

ЛЮБИМАЯ КОЛЛЕКЦИЯ

ЛЮБИМАЯ КОЛЛЕКЦИЯ

АГАТА
КРИСТИ

ПОСЛЕДНИЙ
СЕАНС

МОСКВА
2022

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44
К82

Agatha Christie
THE LAST SÉANCE

Copyright © Agatha Christie Limited 2019.
All rights reserved

AGATHA CHRISTIE, POIROT, MARPLE and the Agatha Christie
Signature are registered trademarks of Agatha Christie Limited in the UK
and elsewhere.

www.agathachristie.com

Оформление серии *Андрея Саукова*

Иллюстрация на обложке *Филиппа Барбышева*

Кристи, Агата.

К82 Последний сеанс / Агата Кристи ; [перевод
с английского]. — Москва : Эксмо, 2022. — 480 с.

ISBN 978-5-04-105098-6

В Южной Африке бушует гражданская война. Немецкий предприниматель герр Шефер сделал ставку не на тех людей, и теперь ему приходится бежать из страны. Еще один перевалочный пункт — ферма одного из его компаньонов, — и он окажется в безопасности; ему помогут пересечь границу. Но, стуча в дверь старого приятеля, Шефер даже не догадывается, что за ней притаилось его далекое прошлое. Кое-кто из тех времен, когда он проливал чужую кровь на полях Первой мировой...

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-04-105098-6

© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2022

ПОСЛЕДНИЙ СПИРИТИЧЕСКИЙ СЕАНС

Рауль Добрей перешел на другой берег Сены, мурлыча себе под нос какую-то песенку. Это был красивый молодой француз лет тридцати двух, свежий, румяный, с небольшими черными усиками на лице. По профессии он был инженером. Вскоре он дошел до улицы Кардоне и свернул к двери дома номер 17. Консьержка выглянула из своей каморки и нехотя поздоровалась, он весело ей ответил. Затем поднялся по лестнице к квартире на четвертом этаже, позвонил и, ожидая, когда ему откроют, снова начал напевать ту же мелодию. Сегодня утром Раулю Добрею было особенно радостно. Дверь открыла пожилая француженка, и ее морщинистое лицо расплылось в улыбке при виде гостя.

— Доброе утро, мсье.

— Доброе утро, Элиза, — ответил Рауль и прошел в прихожую, снимая на ходу перчатки. — Мадам меня ждет, не так ли? — бросил он через плечо.

— Конечно, мсье.

Элиза закрыла дверь и повернулась к нему.

— Мсье, пройдите, прошу вас, пройдите в маленький салон. Мадам выйдет через несколько минут. В данный момент она отдыхает.

6 *Агата Кристи*

Рауль поднял на нее взгляд.

— Она нездорова?

— Нездорова! — фыркнула Элиза.

Она прошла вперед и открыла перед Раулем дверь маленького салона. Он вошел, и она вошла следом, продолжив:

— Нездорова! Как же она может быть здоровой, бедная овечка? Сеансы, сеансы, вечно сеансы! Это неправильно, неестественно, не то, что нам предназначил Господь Бог. Я вам прямо скажу: по-моему, это сделка с дьяволом.

Рауль ободряюще похлопал ее по плечу.

— Ну-ну, Элиза, — утешил он ее, — не волнуйтесь так, и не надо видеть происки дьявола во всем непонятном.

Элиза с сомнением покачала головой.

— А, ладно, — проворчала она себе под нос, — мсье может говорить что хочет, но мне это не нравится. Посмотрите на мадам, она с каждым днем все бледнеет и худеет, и эти головные боли!.. — Она воздела руки к небу. — Ах нет, это нехорошо, вся эта возня с душами. Души, в самом деле! Все добрые души в раю, а остальные — в чистилище.

— Ваши взгляды на жизнь после смерти освежающе простодушны, Элиза, — заметил Рауль, усаживаясь в кресло.

Старая женщина выпрямилась.

— Я — добрая католичка, мсье.

Она перекрестилась, пошла к двери, потом остановилась, взявшись за дверную ручку, и умоляющим тоном произнесла:

— Потом, когда вы поженитесь, мсье, все это прекратится?

Рауль нежно улыбнулся ей.

— Вы — добрая женщина, Элиза, — сказал он, — и преданы своей хозяйке. Не бойтесь, когда она станет моей женой, вся эта «возня с духами», как вы ее назвали, прекратится. Мадам Добрей больше не будет проводить сеансы.

Лицо Элизы расплылось в улыбке.

— Вы правду говорите? — настойчиво спросила она.

Добрей серьезно кивнул.

— Да, — ответил он, больше обращаясь к себе, чем к ней. — Да, все это должно прекратиться. У Симоны волшебный дар, и она его часто использует, но теперь она уже сыграла свою роль. Как вы только что справедливо заметили, Элиза, день ото дня она все бледнеет и худеет. Жизнь у медиума особенно трудная и тяжелая, она требует ужасного напряжения нервов. Но все равно, Элиза, ваша хозяйка — самый чудесный медиум в Париже, даже во всей Франции. Люди со всего мира приезжают к ней, потому что знают, что здесь нет никаких трюков, никакого обмана.

Элиза презрительно фыркнула.

— Обмана! Да мадам не смогла бы обмануть и новорожденного младенца, если бы даже попыталась.

— Она ангел, — с жаром согласился молодой француз. — А я — я сделаю все, что в моих силах, чтобы она была счастлива. Вы мне верите?

Элиза выпрямилась и заговорила с достоинством:

— Я служу мадам уже много лет, мсье. И при всем уважении могу сказать, что люблю ее. Если бы я не

8 *Агата Кристи*

считала, что вы ее обожаете, как она того заслуживает, — ну, тогда, мсье, я бы разорвала вас на мелкие кусочки.

Рауль расхохотался.

— Bravo, Элиза! Вы верный друг, и вы должны одобрять меня теперь, когда я вам сказал, что мадам собирается оставить в покое этих духов.

Он ожидал, что старуха ответит смехом на эту шутку, но, к его удивлению, она оставалась мрачной.

— А что, мсье, если духи не оставят ее в покое?

Рауль изумленно посмотрел на нее.

— Что вы имеете в виду?

— Я спросила, — повторила Элиза, — что, если духи не оставят ее в покое?

— Я думал, вы не верите в духов, Элиза?

— Я и не верю, — упрямо ответила Элиза. — Глупо в них верить. И все равно...

— Так что же?

— Мне трудно объяснить, мсье. Видите ли, я всегда думала, что эти медиумы, как они себя называют, просто хитрые мошенники, использующие тех несчастных, которые потеряли своих близких. Но мадам не такая. Мадам добрая. Мадам честная и...

Она понизила голос и заговорила благоговейным тоном:

— *Всякое бывает.* Это не обман, но всякое бывает, и поэтому мне страшно. Потому что я уверена, мсье, это неправильно. Это противно природе и противно Богу, и кому-то придется заплатить.

Рауль встал, подошел к ней и похлопал по плечу.

— Успокойтесь, моя добрая Луиза, — сказал он с улыбкой. — Послушайте, я вам сейчас сообщу хорошую новость. Сегодня состоится последний из этих сеансов; потом уже не будет никаких сеансов.

— Значит, сегодня сеанс состоится? — с подозрением спросила старуха.

— Последний, Элиза, последний.

Элиза с несчастным видом покачала головой.

— Мадам не в том состоянии... — начала она.

Но ей не дали договорить. Дверь открылась, и вошла высокая светловолосая женщина. Она была стройной и изящной, с лицом мадонны Боттичелли. Лицо Рауля засияло, а Элиза быстро и деликатно удалилась.

— Симона!

Он взял в свои ладони ее длинные белые руки и поцеловал их по очереди. Она тихо прошептала его имя:

— Рауль, мой дорогой...

Он снова поцеловал ее руки, потом пристально всмотрелся в ее лицо.

— Симона, как ты бледна! Элиза сказала мне, что ты отдыхаешь; ты не заболела, любимая?

— Нет, не заболела... — Она заколебалась.

Рауль подвел ее к дивану и сел рядом с ней.

— Тогда расскажи мне.

Женщина-медиум слабо улыбнулась.

— Ты сочтешь меня глупой, — тихо произнесла она.

— Я? Сочту тебя глупой? Никогда.

Симона высвободила свою руку. Несколько секунд она сидела совершенно неподвижно, уставившись вниз, на ковер. Потом сказала тихо и быстро:

10 *Агата Кристи*

— Я боюсь, Рауль.

Он подождал пару минут, ожидая продолжения, и так как она молчала, спросил ободряюще:

— Да чего ты боишься?

— Просто боюсь. Вот и все.

— Но...

Он озадаченно посмотрел на нее, и она быстро ответила на его взгляд.

— Да, это абсурд, не так ли; и все же я чувствую именно это. Боюсь, и ничего больше. Я не знаю, чего или почему, но все время меня мучит мысль, что со мной случится что-то ужасное, ужасное...

Она неподвижно смотрела прямо перед собой. Рауль нежно обнял ее.

— Моя драгоценная, — сказал он, — перестань. Ты не должна поддаваться. Я знаю, в чем дело, Симона, это все напряжение, напряжение жизни медиума. Тебе всего лишь нужен отдых, отдых и покой.

Она с благодарностью посмотрела на него.

— Да, Рауль, ты прав. Именно это мне нужно — отдых и покой.

Она закрыла глаза и прислонилась к его плечу.

— И счастье, — шепнул ей на ухо Рауль.

Он теснее прижал ее к себе. Симона, не открывая глаз, глубоко вздохнула.

— Да, — тихо ответила она, — да. Когда твои руки обнимают меня, я чувствую себя в безопасности. Я бываю о своей жизни... ужасной жизни медиума. Ты многое знаешь, Рауль, но даже ты не до конца понимаешь, что это значит.

Он почувствовал, как ее тело застыло в его объятиях. Симона снова открыла глаза, глядя прямо перед собой.

— Сидишь в кабинете, в темноте, ждешь, а темнота ужасна, Рауль, ибо это темнота пустоты, небытия. И ты по своей воле отдаешься ей, теряешься в ней. Потом ты ничего не знаешь, ничего не чувствуешь, но в конце концов начинается медленное, мучительное возвращение, пробуждение от сна, а ты так устала, так ужасно устала...

— Я понимаю, — прошептал Рауль, — понимаю.

— Так устала, — еще раз шепнула Симона.

Все ее тело, казалось, обмякло, когда она повторила эти слова.

— Но ты великолепна, Симона.

Рауль взял ее руки в свои, стараясь заставить разделить с ним его энтузиазм.

— Ты уникальна, ты величайший медиум, какого только знал мир.

Она покачала головой, слегка улыбаясь.

— Да, да, — настаивал Рауль. Он вынул из кармана два письма. — Посмотри, это от профессора Роша из Сальпетриера, а это от доктора Женира из Нанси, и оба они умоляют тебя иногда проводить для них сеансы.

— Ах, нет! — Симона вскочила. — Я не стану, не стану. Это должно закончиться, с этим нужно покончить. Ты мне обещал, Рауль.

Добрей с изумлением смотрел на нее, а она стояла перед ним, покачиваясь, похожая на загнанного зверя. Она встал и взял ее за руку.

12 *Агата Кристи*

— Да, да. Конечно, с этим покончено, мы договорились. Но я так горжусь тобой, Симона, вот почему я упомянул об этих письмах.

Она искоса взглянула на него, с подозрением.

— Ты больше никогда не захочешь, чтобы я снова проводила сеансы?

— Нет-нет, — заверил ее Рауль, — разве только ты сама этого захочешь, просто время от времени, для этих старых друзей...

Но она взволнованно перебила его:

— Нет-нет, больше никогда. Это опасно. Я говорю тебе, я чувствую, это очень опасно.

Симона на минуту сжала ладонями виски, потом подошла к окну.

— Обещай мне, больше никогда, — сказала она уже спокойнее, оглянувшись через плечо.

Рауль последовал за ней и обнял ее за плечи.

— Моя дорогая, — нежно произнес он, — я обещаю, что после сегодняшнего сеанса тебе больше не придется этого делать.

Он почувствовал, как она внезапно вздрогнула.

— Сегодня, — прошептала она. — Ах да, я забыла о мадам Экс.

Рауль посмотрел на свои часы.

— Она придет с минуты на минуту; но, Симона, если ты себя плохо чувствуешь...

Симона его почти не слушала; она прислушивалась к своим собственным мыслям.

— Она странная женщина, Рауль, очень странная женщина. Ты знаешь, она... она приводит меня в ужас.

— Симона!

В его голосе прозвучал упрек, и она это сразу почувствовала.

— Да, да, я знаю, ты такой же, как все французы, Рауль. Для тебя мать — это святое, и с моей стороны жестоко думать о ней так, когда она горюет о своем умершем ребенке. Но — я не могу объяснить этого, она такая большая и черная, а ее руки — ты обращал внимание на ее руки, Рауль? Большие, сильные руки, сильные, как у мужчины... Ах!

Она слегка вздрогнула и закрыла глаза. Рауль убрал руку и заговорил почти холодно:

— Я действительно не понимаю тебя, Симона. Несомненно, ты, женщина, должна испытывать лишь симпатию к другой женщине, матери, потерявшей своего единственного ребенка.

Симона нетерпеливо махнула рукой.

— Ах, это ты не понимаешь, мой друг! С такими вещами ничего нельзя поделаться. В первый же момент, когда я ее увидела, я почувствовала... — Она вскинула руки. — Страх! Ты помнишь, я долго не соглашалась провести для нее сеанс? Я была уверена, что она каким-то образом принесет мне несчастье.

Рауль пожал плечами.

— А в действительности она принесла тебе как раз нечто противоположное, — сухо возразил он. — Все сеансы проходили очень успешно. Дух маленькой Амели сразу же захватил контроль над тобой, и материализация была поразительной. Профессору Рошу следовало бы присутствовать на последнем сеансе.

— Материализация, — тихо произнесла Симона. — Скажи мне, Рауль, — тебе известно, что я ничего не знаю о том, что происходит, пока я нахожусь в трансе, — эта материализация действительно такая чудесная?

Он с энтузиазмом кивнул головой.

— На первых нескольких сеансах фигура ребенка виделась в каком-то туманном ореоле, — объяснил он, — но на последнем...

— Что?

Он заговорил очень мягко:

— Симона, девочка, которая стояла там, была настоящим, живым ребенком из плоти и крови. Я даже дотронулся до нее, но увидел, что это прикосновение причиняет тебе боль, и не позволил мадам Экс сделать то же самое. Я боялся, что она потеряет контроль над собой и в результате ты можешь пострадать.

Симона снова отвернулась к окну.

— Я совершенно лишилась сил, когда очнулась, — прошептала она. — Рауль, ты уверен... ты действительно уверен, что все это правильно? Ты знаешь, старая добрая Элиза считает, что я заключила сделку с дьяволом.

Она неуверенно рассмеялась.

— Ты знаешь, во что я верю, — серьезно ответил Рауль. — При соприкосновении с неизвестным всегда существует опасность, но это дело благородное, потому что совершается ради Науки. Во всем мире были мученики Науки, первопроходцы, заплатившие высокую цену, чтобы другие могли без опасений пройти по их стопам. Уже десять лет ты работаешь на благо на-

уки и платишь за это ужасным нервным напряжением. Теперь твоя миссия окончена, с сегодняшнего дня ты свободна и сможешь быть счастлива.

Она нежно улыбнулась ему, спокойствие вернулось к ней. Затем она быстро бросила взгляд на часы.

— Мадам Экс опаздывает, — тихо произнесла она. — Может, она не придет?

— Думаю, придет, — возразил Рауль. — Твои часы немного спешат, Симона.

Женщина прошлась по комнате, переставляя там и сям безделушки.

— Интересно, кто она, эта мадам Экс? — спросила она. — Откуда она родом, кто ее родные? Странно, что мы ничего о ней не знаем.

Рауль пожал плечами.

— Большинство людей сохраняют инкогнито, если это возможно, когда приходят к медиуму, — заметил он. — Это элементарная предосторожность.

— Наверное, — вяло согласилась Симона.

Маленькая фарфоровая вазочка, которую она держала в руках, выскользнула из пальцев и разбилась на кусочки о плитки камина. Она резко повернулась к Раулю.

— Ты видишь, — прошептала она. — Я сама не своя. Рауль, ты меня сочтешь большой трусихой, если я скажу мадам Экс, что не могу провести сегодня сеанс?

Выражение болезненного изумления на его лице заставило ее покраснеть.

— Ты обещала, Симона... — мягко начал он.

Она прижалась спиной к стене.

— Я не стану его проводить, Рауль. Я не хочу.